

Виктор КОРЧЕНОВ

КАК РОЖДАЮТСЯ И УМИРАЮТ

Ну разве мог я когда-то представить себя вне Одессы, себя, коренного одессита черт знает в каком поколении, два прадеда которого, одесские мещане Бер и Мордко Галюзманы, судя по архивным записям, проживали в Одессе еще в середине позапрошлого века? Они же, позднее поменяв мещанское сословие на более привилегированное купеческое, в 70-х годах стали содержателями харчевен и были одними из тех, кто сто с лишним лет назад создавал Одессу славу города порто-франко, города предпринимателей, наконец, чисто европейского города, четвертого города в Империи, впервые нареченного поэтом К.Н. Батюшковым еще в 1818 году "лучшим из городов наших", а затем называвшегося такими лестными эпитетами, как Золотой город и Южная Пальмира, Русская Италия и Красавица Юга, и даже — чего больше — Лучшая жемчужина Русской короны.

ние физико-математического факультета Императорского Новороссийского университета в 1895 году "в числе зачисленных по десятипроцентной норме подавших прошение евреев" и окончив его с дипломом первой степени, стал кандидатом естественных наук, заведовал вечерней школой для взрослых и "имел честь состоять" товарищем (то есть заместителем) председателя фотографического отдела Одесского отделения Императорского русского технического общества? И умер он все в том же голодном 1921. Его жена, а моя бабушка, Доротея Арнольдовна Галюзман, культурнейшая женщина, после окончания 2-й Одесской женской гимназии в год столетнего юбилея Одессы преподавала русский язык и литературу в частных еврейских училищах и в субботней школе для взрослых. Она оставила о себе добрую память, да еще золотой именной жетон "От попечительного со-

Израиль Рухомовский. Начало 1900-х гг.

Проф. Я.В. Зильберберг
Начало 1900-х гг.

Мой отец Корченев Константин Борисович, известный архитектор, чье имя вошло в изданный в Киеве в 1973 году "Словарь художников Украины", хоть и родился в Воронеже, всю жизнь прожил в Одессе, в 1932 году окончил Одесский институт инженеров гражданского и коммунального строительства и по-настоящему любил этот город. Как многие, "был бит" в период космополитизма, но остался предельно честным и принципиальным. Десять лет проработав главным архитектором Одесской области, он с гордостью вспоминал, что именно благодаря его противоборству один из символов Одессы, известный всему миру памятник дюку де Ришелье не был заменен на памятник Ленину, а памятник графу Воронцову — на монумент в честь Советской Армии.

Н.И. Корченова и К.Б. Корченов. 1950 г.

Именно отец привил мне любовь к неповторимой одесской архитектуре, городским ансамблям и памятникам. И с семнадцати лет я уже знал: Одесса — это мой город. И искренне верил, что навсегда. Я стал собирать — сперва современные, потом дореволюционные — открытки, литографии, гравюры с видами Одессы.

В середине 50-х годов мне, тогда еще студенту Одесского инженерно-строительного института, повезло застать в живых многих старых одесских коллекционеров, которые, узрев во мне молодую смену, всячески содействовали моему увлечению.

Вспоминается инвалид войны Константин Александрович Кабардинцев, собиравший открытки с видами Одессы еще до ухода на фронт. Известный всему филателистскому миру страны как один из ведущих коллекционеров марок авиапочты, он в 60-х годах создал исключительную коллекцию другого рода — более тысячи дореволюционных одесских открыток. Из-за большого сердца и предельно неудобного протеза он редко выходил на улицу, но двери его однокомнатной квартирки буквально не закрывались от постоянных гостей: днем это были коллекционеры с предложениями всевозможных обменов, а вечером — шахматисты и преферансисты.

К.А. Кабардинцев

К моменту первой с ним встречи я собирал уже не только виды Одессы, но также медали и жетоны. И чтоб не стать конкурентами, мы заключили джентльменское соглашение: все найденные мной, но отсутствующие у него открытки я обещал отдавать ему в обмен на Бог весть каким образом приобретаемый им нумизматический материал. Но в то же время он обязал жену, обаятельную Людмилу Иосифовну, после его смерти продать мне всю коллекцию открыток и книг об Одессе по заранее оговоренной весьма умеренной, но все же пугавшей меня, студента, цене. Эта коллекция, действительно мной потом приобретенная, долгие годы пополнялась и совершенствовалась.

С.А. Бабаджан. 1959 г.
Монотипия худ. В.А. Зайченко

Но первой "живой легендой", с которой меня в свое время познакомили, был Самуил Аронович Бабаджан. У него, как мне говорили, я мог и что-то найти из себя, и многое узнать.

В его комнате, где он проживал вместе с сестрой Раисой Антоновной, бесценные для меня предметы старины — одесские афиши, программы концертов, обертки от конфет, трамвайные и конюшные билеты, меню всевозможных ресторанов и кафе, обрывки дореволюционных газет, части книг и путеводителей по Одессе — кучами и кучками валялись на полу, на стульях, на кроватях, на огромном столе и в неисчислимых ящичках большого секретера. Никогда нигде не работавший, Самуил Аронович с радостью продавал все, что мне удавалось раскапывать у него на протяжении многих лет. И зачастую вторую половину какого-то путеводителя по Одессе я обнаруживал в его залежах спустя несколько месяцев после приобретения первой, а планы к нему оказывались купленными одним из одесских музеев. Цену за невзрачный трамвайный билетик он порой называл такую, какую иной продавец не запросил бы за какой-нибудь антикварный предмет. Я немел, не зная, уходить ли сразу, или посидеть еще немного "для приличия". Но тут появилась Раиса Антоновна, молниеносно оценивала ситуацию и принималась уговаривать брата, что "молодой человек — еще только студент, и откуда у него такие деньги". Самуил Аронович хватался за сердце, начинал что-то снова искать на столе, теряя отобранную мною "драгоценность" и спустя какое-то время вновь обнаруживая ее.

Тут цена неожиданно сокращалась вдвое. Я поднимался, чтобы уйти, но меня усаживали и снова сбавляли цену. И когда я уже собрался было отдать деньги, не столько потому, что памятный трамвайный билетик или рекламка того стоили, сколько из жалости к старику и желания скорее уйти, Самуил Аронович неожиданно принимался уговаривать меня разыграть этот предмет в шахматы. И в случае выигрыша я мог получить его совершенно бесплатно. В шахматы Самуил Аронович играть очень любил, но играл отвратительно. Будучи, видимо, дальтонику, он вместо своей фигуры постоянно норовил сделать ход фигурой противника. Я же неизменно уходил от него с дикой головной болью, но зато с выигранным "раритетом", и уже дома новое приобретение тщательно разглаживал и приводил в надлежащее состояние.

Гостей Самуил Аронович обычно встречал в калсонах с расстегнутой ширинкой и перекинутыми через голые грудь и спину подтяжками. Когда я, помню, как-то привел к нему в гости одну очень почтенную особу прекрасного пола, он, заметив ее конфуз, без толики смущения произнес запомнившуюся мне

Д.А. Галюзман (сидит в центре) среди учителей субботней школы для взрослых. 1904 г.

Помещения, занимаемые харчевнями, кстати, сохранились и по сей день. В одном из них, в бывшем доме Черепенникова на углу Преображенской и Успенской улиц, вот уже много лет — небольшой продовольственный магазин, в другом, в доме Амбросио, на углу Новорыбной и Екатерининской улиц, разместилась комплексная мастерская бытовой техники. И если бы сейчас, здесь, в Америке, мне вдруг взбрело в голову открыть какой-нибудь ресторан, то на его рекламе, возможно, была бы приписка вроде: "Заведение существует с 1872 года". Правда, с "небольшим" перебивом.

Разве мог я представить вне Одессы себя, чья прабабка, просто Фрима-Ита Мошкова, задолго до "появления на свет" знаменитого Остапа Бендера, в "Делах одесского раввината" значилась вдовой настоящего турецкоподданного, а четыре двоюродных деда, родившись и проживши всю жизнь в Одессе, были кто инженером-электриком, кто инженером-механиком, кто учителем рисования и художником (одна из его работ, кстати, чудом уцелела, пережив ставшего нищим в голодном 1921 году автора и пройдя всю нелегкую эвакуацию).

И.Б. Галюзман (справа). 1912 г.

И разве мог я, наконец, когда-то представить вне Одессы себя, чей дедушка, Исая Борисович Галюзман (которого я, к сожалению, никогда не видел), коренный одессит, поступив на естественное отделение

вета училища доктора Зильберберга", положивший начало моему увлечению одесскими медалями и жетонами.

И.Б. Галюзман. 1920 г.

Д.А. Галюзман. 1898 г.

КОЛЛЕКЦИИ...

на всю жизнь бесподобную фразу: "Не смущайтесь — в доме покойника двери всегда настезь". Но на улице ему imponировало внимание прохожих к созданному им облику одесской древности. И действительно, это была колоритнейшая личность, с бело-рыжей растущей прямо от глаз и сливающейся с усами бородой, с могучим восточным носом и посаженными на него большими очками, частично закрытыми косматыми бровями. В неизменном чесучовом пиджаке с оттопыренными, наполненными всякой коллекционной мишурой карманами, с палкой, он своей фантастической внешностью, как говорят в Одессе, таки да возбуждал любопытство.

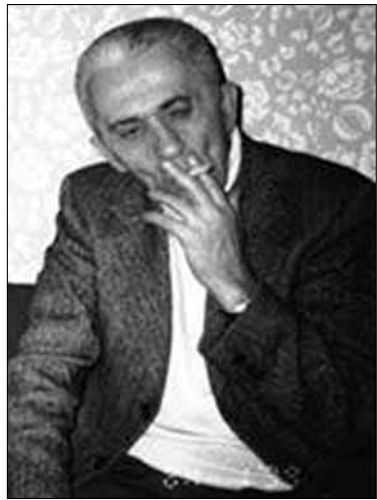
Страдая одышкой, Самуил Аронович часто останавливался, и не существовало такого дома, чтобы он не назвал его прежнего владельца, размещавшихся в этом доме магазинов и даже их ассортимент. В детстве Сема не признавал ни добротных родителей-каристов (его отец был почетным гражданином Одессы), ни гимназических наук, но зато с гордостью вспоминал, что впервые применил обыкновенные конторские счета с круглыми косточками, для того чтобы съехать на них по Ольгиевскому спуску. А открывшаяся в 1910 году в Александровском парке художественно-промышленная выставка его настолько очаровала, что он, хронически не признававший никаких платных входов, околачивался там целыми днями. И даже спустя пятьдесят лет, нисколько не напрягая память, часами рассказывал о поразивших его детское воображение сказочных павильонах, свещающихся фонтане, "визжащемся тротуаре" и иллюзионах.

Моя мать Надежда Исаевна, обаятельная и отзывчивая женщина, всю жизнь нежно и преданно любившая меня, всячески поощряла и поддерживала мое увлечение. Она гордилась мной, моей коллекцией, искренне радовалась любому приобретению. Похоронив мать и сравнительно рано мужа, сильно стесненная в средствах, она, зная, что я органически не переношу никаких принятых у коллекционеров "наваров", во многом себе отказывая и продавая кое-какие предметы из домашней утвари — случайно сохранившиеся рамы от картин, старинные наряды или малоценную бижутерию, — презентовала мне, тогда еще студенту, ту или иную сумму.

М.И. Рыбальченко. 1948 г.

Многие бывшие спортсмены — обладатели дореволюционных и довоенных жетонов, как, например, вошедший в Книгу рекордов Гиннеса Михаил Иванович Рыбальченко, в большинстве случаев дарили их. Но зачастую приходилось и потеть. Довольно долго я уговаривал вдову известного на всю Россию и эмигрировавшего еще в 1920 году футболиста Григория Богемского продать мне спортивные жетоны ее мужа. Продавать она не ре-

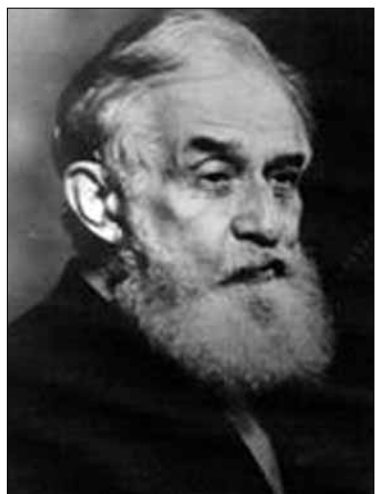

А.Ю. Розенбойм. 1999 г.

шалась, дарить не хотела. Но наконец согласилась — при условии, что я "помогу" обработать ее дачный участок где-то в Крыжановке. И мы с Беллой, моей женой, целое лето ездили туда, копали, сапали, пропалывали, поливали. Искусство требовало жертв! В другой раз меня попросили в порядке уплаты за вожденный жетон собрать на какой-то старинной даче урожай с огромного вишневого дерева. Лестницу хотя и искали, не нашли. Забыть этот подвиг я не могу по сей день — к качеству сбора урожая хозяйка отнеслась весьма и весьма придиричиво. Но обладателем жетона все же я стал. Это было начало.

И мог ли я тогда вообразить себя вне всего этого, вне постоянного поиска, вне бескорыстной помощи старшего библиографа Одесской научной библиотеки имени Горького Виктора Семеновича Фельдмана и его жены Ольги Юдовны, без Сергея Калмыкова, замученного бесконечными просьбами перефотографировать тот или иной жетон или документ для этого задуманного много лет назад каталога? Без, наконец, старого закадычного друга Александра Розенбойма, известного сейчас литературоведа, крупнейшего знатока жизни и творчества всех связанных с Одессой писателей и поэтов, многие годы по крупицам извлекавшего из архива бесценные для меня сведения из составленного моего генеалогического древа?

Собирая коллекцию, я старался атрибутировать каждый ее экспонат, каждое новое поступление. И первым, кто стал мне оказывать в этом действенную помощь, был старший научный сотрудник Одесского историко-краеведческого музея, искусствовед, видный коллекционер и исследователь монет античного Северного Причерноморья и старой Польши кандидат исторических наук Александр Семенович Коциевский.

Проф. В.В. Ашик. 1975 г.

Самые теплые воспоминания оставил о себе крупнейший в Союзе ленинградский коллекционер русских памятных медалей и жетонов, человек энциклопедических знаний доктор технических наук Виктор Владимирович Ашик.

После смерти его отца Влади-

мира Антоновича, известного русского нумизмата, автора книги "Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в 1812, 1813 и 1814 гг.", сыну досталось немалое наследие — примерно три тысячи российских жетонов и медалей. Но Виктору Владимировичу, страстному и последовательному продолжателю тематики отца, удалось вдвое увеличить численность экспонатов этой уникальнейшей коллекции.

С Ашиком мы познакомилась еще в начале 60-х годов по переписке. Просто один из моих знакомых коллекционеров посоветовал "на всякий случай" написать письмо с просьбой сообщить о наличии в собрании известного нумизмата интересующего меня одесского материала. К моему искреннему удивлению, Виктор Владимирович вскоре прислал карандашные протирки и предельно подробное описание всей имевшейся у него на то время одесской подборки. С тех пор завязалась дружеская и бесценная для меня многолетняя переписка. Мало того что Виктор Владимирович давал на любые мои вопросы исчерпывающие ответы, какие я не мог найти даже в справочной литературе одесских научных библиотек, он совершенно бескорыстно присылал мне хотя и во второй раз попавшие к нему, но тем не менее, уникальные экземпляры одесских медалей и жетонов. Так я стал единственным в Одессе и, думаю, вторым в Союзе обладателем выпущенной в 1822 году в Париже памятной медали в честь "нашего" дюка де Ришелье. Уже позднее, просматривая подшивку газеты "Одесский вестник" за 1827 год, удалось обнаружить сообщение, что аналогичный экземпляр такой медали по существовавшей уже тогда традиции был заложен в фундамент памятника герцогу.

Я, в свою очередь, как мог также помогал Виктору Владимировичу в пополнении его коллекции. Много лет продолжалась наша переписка, несколько раз с большим радушием мы принимали друг друга, хотя, как мне говорили сами ленинградцы, не многим удалось побывать дома у Ашика, жилище которого во время войны в связи с эвакуацией профессора вместе с институтом, где он работал, было опечатано как квартира-музей.

За несколько лет до смерти Виктор Владимирович сообщил, что завещательным письмом он поручил своей жене Музе Михайловне после его кончины передать мне все имевшиеся у него одесские жетоны, которые за многие годы коллекционирования мне так и не удалось приобрести, но фотографии которых он все же успел прислать. Детей у Ашика не было. Единственным наследником — племянником, Героем Советского Союза, принять такое богатое наследство отказался, и Виктор Владимирович стал хлопотать о размещении в Эрмитаже всего своего уникального собрания с единственной просьбой: выделить небольшое помещение для экспозиции с табличкой "Дар Ашика". Ему постоянно отказывали, и это приводило старого коллекционера в сильное волнение.

И сейчас я уже не могу передать того испытанного мной потрясения, когда неожиданно узнал из двух подвальных публикаций в "Известиях" о внезапной кончине Ашика в сентябре 1985 года, о добровольном укрытии в больнице Музы Михайловны во избежание преследований со стороны каких-то темных личностей, о ее загадочной смерти там спустя неделю после мужа, о таинственном исчезновении завещаний коллекционера, о взломе квартиры работниками милиции совместно с сотрудниками Петергофского музея и о составленных ими описях, в десятки раз занижающих реальное количество экспонатов уникальных коллекций миниатюр, картин и стекла, но прежде всего, русских медалей, в общем-то, разграбленных в присутствии каких-то неведомых понятых. Многие экспонаты, например, серебряные памятные медали петровской и аннинской эпох, отсутствовали даже в собрании Эрмитажа.

А разве не трагична смерть почти столетнего старика, известного одесского коллекционера картин полковника в отставке И.М. Федорова, оставленного лежать на полу с кляпом во рту и задохнувшегося, после того как вошедшие в коммунальную квартиру под видом санитаров "скорой помощи" жлобы в белых халатах вынесли его коллекцию? Или не печальна участь коллекции бесследно исчезнувших монет моего первого наставника А.С. Коциевского, вынесенных грабителями через прорезанное в чердачном перекрытии отверстие в считанные часы отсутствия хозяйки квартиры?

Коллекционеров зачастую называют одержимыми. Но эти "одержимые", собирая, как правило, довольно узкую тематику, ежегодно устраивали городские выставки, где можно было увидеть то, мимо чего проходили музеи. Но если и имелось что-то в музеях, то в весьма скудном количестве, да и то в запасниках.

Ведь коллекционерами выставлялись не только античные монеты и геммы, царские ордена и полковые знаки. Здесь можно было подивиться на фарфоровые сырные доски и дореволюционные пуговицы, экслибрисы и самовары, обертки от бритв и карманные часы.

Любимому увлечению посвящали всю жизнь, отдавали все свободное время. Многие коллекционеры, не имея особого достатка, экономили на всем, даже на еде.

А как неприспособлено одевались! Да тот же ленинградский профессор В.В. Ашик, нисколько не стыдясь, сорок лет проходил в одном и том же кожаном пальто.

Коллекционеры были не только собирателями. Большие деньги тратились ими на литературу по теме их увлечения. С ними консультировались музейные работники, экспонаты коллекций помогали создавать документальные и художественные фильмы. Эти "одержимые" с радостью делились своими знаниями, пригласив в гости совершенно незнакомых людей.

Сейчас об этом можно только, тяжело воздыхая, вспоминать. Бандитизм, воровство и рэкет вынуждают серьезных коллекционеров продавать свои коллекции либо уходить в подполье, распуская слухи о ликвидации их "детей".

А как много их уехало за рубеж, вынужденно продав перед отъездом или просто бросив на произвол судьбы по крупицам собранное!

И кто знает, удается ли еще из "осколков разбитого вдребезги" составить когда-нибудь вновь единое целое?

P. S.

Полвека спустя мне кажется странным, даже невероятным, что три года в моей жизни были как-то связаны со строительным институтом. Теперь, когда я об этом вспоминаю, то мечтательно говорю: "А вот окончила бы я строительный, была бы я прорабом, например, вот бы мы как сыр в масле катались"... Прорабом я не стала, от наук строительного института сохранились, пожалуй, только воспоминания об эпорах...

И все же другие воспоминания тешат мою душу. О мальчиках второй половины 50-х годов, умных и талантливых мальчиках из строительного института.

Сема Лившин, который много лет спустя вспоминал, как впервые от меня услышал слово "эссеист" (речь шла об Эренбурге — только-только вышли "Французские тетради!"), и смотрел на меня в тот момент, как Эллочка на Фиму Собак.

Валерий Хаит, который много лет меня дразнит надписью на томике Блока, который я ему тогда подарила, и ни за что (наверное, по своей деликатности) не хочет воспроизвести какую-нибудь сочиненную мной по младости лет сентиментальщину.

Миша Черешня, который врывался в аудиторию, где я мучилась над билетом по теореме, передавая мне шпаргалки и заклоняя своей спиной от экзаменатора.

Потом я бросила строительный и уехала в Ленинград, в университет...

И еще за одного мальчика я благодарна строительному институту. Я училась на вечернем отделении, и весь первый курс просидела за одним столом с худеньким скромным мальчиком, правда, таким же смешливым, как я. Мы во время лекций писали друг другу смешные записки, что-то рисовали, передразнивали преподавателей, словом, на скучных лекциях нам было весело.

Мальчика звали Витя Корченков. Такую фамилию я знала, не зря же работала в Гипрограде, где часто упоминалась фамилия областного (то ли городского) архитектора.

Но даже мысль, что этот мой веселый и одновременно застенчивый дружок, студент вечернего факультета, — сын влиятельного человека, не приходила мне в голову.

Я бы хотела увидеть сейчас сына какого-нибудь начальника в роли скромного студента вечернего факультета (если такие сохранились!).

После возвращения из Ленинграда я узнала, что мои прежние приятели знакомы с моим мужем, ходят к нему в "Комсомольскую искру". Жизнь продолжалась.

Витя Корченков уже в начале шестидесятых годов стал одним из тех собирателей и хранителей одесской истории, ее прекрасного былого, одним из тех, кто самозабвенно и сосредоточенно не давал поглотить Лете память Города. Саша Розенбойм, искавший и находивший людей, свидетелей давних событий в Одессе, Сергей Калмыков, объектив фотокамеры которого сохранил "уходящую натуру" нашего города. Этих "страстотерпцев", этих воителей во славу и в память нашего прошлого, может, было и не так много, но их подвижничество — неоценимо.

О своей коллекции одесских жетонов, значков, прочих раритетов Виктор Константинович Корченков написал сам — и книгу, и многочисленные статьи.

Хоть это и осталось. Что уж вздыхать о рассеявшихся коллекциях, когда их владельцы, их собиратели оказались рассеянными по свету...